

УДК 323:371:2

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-49-70

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО КОМПОНЕНТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

О. С. ТОЛСТОГУЗОВА

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Е. А. ТРОИЦКАЯ

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Для цитирования:

Толстогузова О. С., Троицкая Е. А. Политико-правовая институционализация религиозного компонента в современном российском образовании // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 1. С. 49–70. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-49-70.

Введение: статья посвящена институционализации религиозного компонента в российском образовании, обозначены основные этапы, определяющие специфику его проявления.

Цель: выявление этапов и особенностей политико-правовой институционализации религиозного компонента в современном российском образовании.

Методы: анализ документов органов государственной власти, анализ вторичных данных по изучаемой проблеме.

Результаты: выделено четыре этапа институционализации религиозного компонента в современном российском образовании: предварительный, характеризующийся широким общественным дискурсом относительно необходимости и правомерности включения в образование религиозного компонента; этап формализации и апробации норм; этап окончательной интеграции религиозного компонента в образование; этап обсуждения нового ФГОС и секуляризации модулей. Выявлены особенности процесса институционализации.

Выводы: законодателем сделаны попытки найти золотую середину между светскостью образования и духовно-нравственным воспитанием учащихся посредством преподавания курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ). Однако есть основания полагать, что формальные требования на местах соблюдаются не в полной мере или негласно игнорируются, что создает новые вызовы для законодательного регулирования и поле для дальнейших исследований.

Ключевые слова: религиозный компонент, образование, политико-правовая институционализация, духовно-нравственное воспитание, общественный дискурс

ВВЕДЕНИЕ

Возрастание роли человеческого капитала в развитии государства и общества обуславливает необходимость духовно-нравственного воспитания личности. Эта задача осложняется духовно-мировоззренческим кризисом (Гальцова, 2014), возникшим на фоне деструкции советской идеологии и характеризующимся «разрушением форм культурной, исторической и духовной идентификации человека, размыванием любых мировоззренческих основ его самоопределения и одновременно – призывом уповать только на свою собственную самость в качестве основы и смысла жизни» (Слободчиков, 2016, с. 85). Кризис усугубляется в условиях непримиримого социального противоречия между мировыми глобализационными процессами и российским изоляционизмом: глобализация предъявляет требования терпимости, толерантности к маркерам культурной и религиозной идентичности других народов, но в то же время влечет размытие границ национальной идентичности; возрастающая политическая, экономическая, культурная изоляция России, которая может способствовать сохранению российской идентичности, выступает также фактором враждебного отношения к культуре, традициям, идентичности других государств.

В этом контексте духовно-нравственное воспитание мыслится барьером, позволяющим сохранить исторически сложившиеся ценности национальной культуры, традиции и уклад жизни и заложить фундамент уважительного отношения к идентичности и традициям других народов. Поскольку духовно-нравственные ценности прививаются с детства, то государственная политика в области духовно-нравственного воспитания сосредоточена на детях школьного возраста.

В ретроспективе духовно-нравственное воспитание детей обеспечивал институт семьи. Сегодня в силу объективных изменений условий труда и жизненного уклада он не может исполнять эту функцию в полной мере. Так, увеличивающаяся деловая нагрузка на членов семьи и высокая вероятность материального неблагополучия при ее снижении, уход от многопоколенных семей, где вопросами воспитания могли заниматься представители старшего поколения, к нуклеарным, приводит к сокращению потенциала семьи в части духовно-нравственного воспитания младшего поколения. В результате некоторые аспекты воспитания, традиционно транслируемые этим институтом, делегируются системе образования – школе.

Ответом на возникшую потребность стала интеграция в школьную программу религиозного компонента как продуцирующего духовно-нравственные ценности в рамках реализации ключевых функций системы образования. Однако спорное отношение общественности к религиозному компоненту в образовании стало причиной широкого общественного дискурса и обусловило этапность и особенности его политико-правовой институционализации.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Функции религии остаются в фокусе внимания многих исследователей (Юмакулов, 2010; Budzei, 2011; Midlaj, 2016; Пехенько, 2017; Аликберов, 2017; Санцевич, 2019; Filina, 2020). Одним из первых, кто посвятил этому свои

труды, был Э. Дюркгейм, обнаруживший прямую взаимосвязь между проведением религиозных обрядов и повышением социальной солидарности людей, их более полным соответствием социальным ожиданиям (Дюркгейм, 2018).

Традиционно выделяют несколько социальных функций религии – мировоззренческую, коммуникативную, регулятивную, культурно-транслирующую и др. Все они демонстрируют, как с помощью определенных элементов культуры и институтов религия управляет сознательным и бессознательным поведением индивидов и групп (Пехенько, 2017). Важно подчеркнуть, что религия также выполняет функцию национальной, половозрастной, культурной идентификации личности. Речь идет о чувстве сохранения идентичности и принадлежности личности к той или иной группе, общине, нации (Санцевич, 2019; Морозов, 2017).

В исследовании *Pew Research Center* отмечается, что после падения Берлинской стены в православных странах произошел подъем религиозной идентичности, которая тесно связана с национальной, чувством гордости, поддержкой связей между национальными церквями и правительствами. Так, доля взрослых в России, называющих себя православными христианами, выросла с 37 % в 1991 году до 71 % в 2015 году, хотя уровень религиозной практики и остался низким¹, что делает закономерными попытки интегрировать религиозный компонент в образование.

Лейтмотивом для внедрения религиозного компонента в образовании выступает духовно-нравственное воспитание, которое, в свою очередь, является необходимым фактором социализации личности и в широком смысле способствует консолидации и солидаризации общества (Shutaleva et al., 2020). Так, в рамках данного исследования под духовно-нравственным воспитанием будем понимать «деятельность, направленную на формирование духовного мира человека, обеспечивающую гармонию человека с внутренним миром, природой, социумом, поиск смысла жизни и своего места в ней, определение критериев добра и зла, оценку по ним людей и событий, формирование мотивов поведения в согласии с общечеловеческими принципами нравственности» (Крестовский и Беловолов, 2007, с. 192).

Как отмечает М. А. Дьячкова, духовно-нравственное воспитание – это гарант безопасности государства и общества, так как духовность направлена на созидание, тогда как бездуховность – на разрушение, проявлениями которого служат «различные формы антикультуры и духовной деградации (душевная грубость, эгоизм, лицемерие, безволие, алкоголизм, наркомания и др.), противоправное поведение и преступность» (Дьячкова, 2008, с. 26).

Однако Ц. Гольдберг подчеркивает, что межконфессиональное образование, акцент на сходстве учащихся разных конфессий, а не на их различиях, не всегда способствует уменьшению предрассудков и преодолению религиозных и культурных стереотипов. Автор аргументирует позицию результатами исследования: участвовавшие в нем еврейские и мусульманские израильские подростки, которые изучали сходства и взаимосвязь между исламом

¹ *Religious belief and national belonging in Central and Eastern Europe* [Электронный ресурс] // Pew Research Center. 2017. 10 May. 176 p. URL: <https://www.pewforum.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-FULL-REPORT.pdf> (дата обращения: 18.01.2021).

и иудаизмом, демонстрировали противоречивые реакции: первые частично избавились от предрассудков, в то время как вторые стали подвержены им в большей степени (Goldberg, 2020).

Для Запада также характерны процессы секуляризации, однако, на наш взгляд, проблемы, связанные с интеграцией религии и образования, на сегодняшний день там стоят острее, поскольку имеют более глубокие исторические корни по сравнению со странами бывшего СССР, прошедшими период отрицания религии.

Так, В. Альбертс отмечает, что школы в Европе практически не дают учащимся возможности получить светский, нетеологический взгляд на религию. При этом автор подчеркивает исключительное положение христианства среди конфессий и неоспоримую дискурсивную гегемонию христианского понимания религии, которое часто представляется как своего рода универсальное. В сочетании с фактическим отсутствием светских подходов к религии это создает атмосферу того, что можно назвать «малой идеологической обработкой» и является серьезной проблемой прав человека (Alberts, 2019, p. 53).

Многоконфессиональной среде и проблемам соблюдения прав человека на свободу вероисповедания противопоставляется растущий религиозный символизм в европейских школах и массовые преступления на религиозной почве², что обуславливает возникновение запрещающих правовых инициатив (Baltaci, 2017). Это усугубляется непоследовательной политикой государств относительно религиозного символизма в школах, запрет одних символов (чадра) и снисходительное отношение к другим (распятие, звезда Давида)³.

Отметим, что для европейских стран актуален вопрос не интеграции религиозного компонента в образование, а минимизации его негативных последствий и консенсус акторов относительно некоторых его аспектов, таких как, например, использование религиозных символов. В свою очередь, возросший интерес к религии в общественной и политической жизни Европы, особенно проявляющийся в образовании, по мнению Л. Гирона, свидетельствует не о контрсекуляризации, как принято полагать, а о возникновении европейской гражданской религии (Gearon, 2012).

Таким образом, интеграция в школьную программу религиозного компонента позволит решить проблему духовно-нравственного воспитания российских учащихся (Clay, 2015), но потенциально может привести и к негативным последствиям, о чем свидетельствует опыт европейских стран. Спорное отношение общественности к этому решению властей стало причиной поэтапной политико-правовой институционализации религиозного компонента в образовании.

² Сидорчик А. Необъявленная война. Теракты в Европе в 2015–2020 годах [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2020. 3 нояб. URL: https://aif.ru/incidents/neobyavlennaya_voyna_terakty_v_evrope_v_2015-2020_godah (дата обращения: 19.01.2021).

³ *Uniform dissent. New government guidance on religious symbols worn in school doesn't help much, says Jessica Shepherd* [Электронный ресурс] // The Guardian. 2007. 9 Oct. URL: <https://www.theguardian.com/education/2007/oct/09/schools.uk4> (дата обращения: 19.01.2021).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предварительный этап институционализации (1990–2009 годы) – общественный дискурс о религиозном компоненте в российском образовании

Изменение вектора государственной политики относительно религиозных конфессий с 1988 года⁴ привело к расширению их возможностей, в том числе относительно образовательной деятельности (Ерзылева, 2017). Главным актором отстаивания интересов религии в целом и в образовании в частности стала Русская православная церковь (РПЦ), которая публично напоминала о проблемах духовно-нравственного развития общества. Отметим, что диалог с властью и обществом велся иногда с агрессивным напором: как вспоминает первый министр образования России Э. Д. Днепров, в прессе от лица РПЦ звучали заявления, что они «завоюют школу» (Днепров, 2011, с. 245).

Светский характер образования подтверждался Законом «О свободе вероисповеданий»⁵. Однако предусматривалась и возможность преподавания в государственных учебных заведениях религиозно-познавательных, религиозоведческих и религиозно-философских дисциплин, не сопровождающегося совершением религиозных обрядов и имеющего информационный характер. Логическим продолжением данного подхода стало информационное письмо, направленное российским министром образования Е. В. Ткаченко в регионы, разрешающее факультативное преподавание ознакомительного предмета «Религиоведение» и акцентировавшее внимание на недопустимости религиозного или атеистического воспитания в любых формах⁶.

Такая практика просуществовала до 1997 года, когда вступил в силу Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»⁷. Хотя и с оговорками, он разрешил преподавание в школах религии⁸. Многие общественные деятели негативно отнеслись к нововведению, оценивая его как закрепленную в праве возможность вмешательства религиозных организаций в образовательный процесс. Например, А. Невзоров отме-

⁴ В 1988 было торжественно отмечено 1000-летие Крещения Руси.

⁵ *О свободе вероисповеданий* [Электронный ресурс]: закон РСФСР от 25.10.1990 № 267-1. URL: <http://legalacts.ru/doc/zakon-rsfsr-ot-25101990-n-267-1-o/> (дата обращения: 21.12.2020).

⁶ *О светском характере образования в государственных образовательных учреждениях Российской Федерации* [Электронный ресурс]: письмо М-ва образования Рос. Федерации от 19.03.1993 № 47/20-11п. URL: <http://tara-eparhiya.ru/obrazovanie/4138-v-shkole-ne-dopustimo-ateisticheskoe-obrazovanie-v-lyubykh-formakh-pismo-min-obrazovaniya-rf.html> (дата обращения: 21.12.2020).

⁷ *О свободе совести и о религиозных объединениях* [Электронный ресурс]: Федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ. URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-26091997-n-125-fz-o/> (дата обращения: 21.12.2020).

⁸ В статье 5.4 указано, что по письменной просьбе родителей или лиц, их заменяющих, и с согласия детей, обучающихся в государственных или муниципальных образовательных организациях, указанные образовательные организации на основании решения коллегиального органа управления образовательной организации по согласованию с учредителями могут предоставлять религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы.

чал, что «религия вторглась в школу» и нужно «противостоять, желательно через демонстрацию предельно твердой родительской позиции и требовать ограждения ребенка от религиозной пропаганды», ведь ее попытки «запечатлены прямо в учебниках»⁹.

Нельзя обойти вниманием написанное несколькими годами позднее «письмо десяти академиков» Российской академии наук В. В. Путину, в котором они выражали обеспокоенность клерикализацией российского общества: «Не следует забывать, что провозглашенный государством курс на инновационное развитие может быть осуществлен лишь в том случае, если школы и вузы вооружат молодых людей знаниями, добытыми современной наукой. Никакой альтернативы этим знаниям не существует»¹⁰.

Однако в научной среде мнения относительно религиозного компонента в образовании были полярными, и ответом десяти академикам стало «письмо других академиков»¹¹, в котором критиковалась их атеистическая позиция и приводились аргументы в поддержку интеграции религии и образования.

К тому же противовесом мнению десяти академиков стало и обращение Патриарха Московского и всея Руси, Российской академии наук, президента Российской академии образования, ректора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова к Министру образования России от 21 января 1999 года. В нем говорилось, что «светский» не означает «атеистический», а «религиозно ориентированные дисциплины справедливо было бы включить в сетку обязательных предметов по принципу равноправной альтернативы... Родители, желающие воспитывать своих детей атеистами, могут избрать, например, «основы нравственности» вместо религиозно-нравственных уроков»¹².

Еще одним шагом к укреплению религиозного компонента в образовании стало принятие Министерством образования Российской Федерации предложения Патриарха о создании совместной светско-религиозной комиссии, цель которой, по мнению Э. Д. Днепров, состояла в «церковной цензуре государственных образовательных стандартов, учебных программ и учебников» (Днепров, 2011, с. 246). В итоге в 1999 году была создана не комиссия, а координационный совет по взаимодействию Министерства образования Россий-

⁹ Невзоров А. Православие в школах: что говорить детям? [Электронный ресурс] // YouTube. 2012. 17 сент. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=t7iq7Y3NhrQ> (дата обращения: 25.12.2020). Автор приводит в пример учебник «Духовное краеведение Подмосковья».

¹⁰ Письмо десяти академиков об опасности клерикализации России [Электронный ресурс] // Успехи физических наук. 2007. 24 июля. URL: <https://www.ufn.ru/tribune/trib240707.pdf> (дата обращения: 22.12.2020).

¹¹ Письмо других академиков. Заявление представителей РАН в связи с «письмом десяти» [Электронный ресурс] // Интерфакс-религия. 2017. 1 нояб. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=681> (дата обращения: 22.12.2020).

¹² Обращение Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, президента Российской академии наук Ю. С. Осипова, президента Российской академии образования Н. Д. Никандрова, академика РАН, ректора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и председателя Российского союза ректоров В. А. Садовниченко к Министру образования России от 21.01.1999 [Электронный ресурс] // Razum.ru. 2002. Дек. URL: <http://razumru.ru/atheism/rpc/letter.htm> (дата обращения: 22.12.2020).

ской Федерации и Московской патриархии РПЦ¹³. Функционал совета позволяет согласиться с мнением Э. Д. Днепров¹⁴.

Кроме того, министерство обещало принять меры для «более полного удовлетворения потребностей верующих в классах и аудиториях государственных образовательных учреждений» (Днепров, 2011, с. 246), что шло в разрез с установленными законом нормами¹⁵.

В 2002 году в регионы было направлено письмо «О примерном содержании образования по учебному предмету “православная культура”»¹⁶, где подчеркивалась объективность появления предмета и высокое значение православия в жизни российского общества.

В этот период активно разрабатываются региональные курсы религиозного содержания – «Истоки», курс «Основы православной культуры» А. В. Бородиной и др. В Новосибирской области с 2002 года реализовывался авторский курс «Православная культура России» протоиерея Б. Пивоварова.

В целях подготовки согласованных предложений по вопросу изучения истории и культуры религии (православия) приказом Минобрнауки России была создана рабочая группа¹⁷, в состав которой вошли представители РПЦ, профильного министерства, академических институтов, ведущих вузов. Рабочей группой в 2007 году разработано и направлено в регионы Примерное соглашение о сотрудничестве органа управления образованием субъекта Российской Федерации и епархии РПЦ¹⁸. Рекомендовалось заключать подобные соглашения с централизованными религиозными организациями других официальных религий. Оно подразумевало, например, что епархия предо-

¹³ *О создании* координационного совета по взаимодействию Министерства образования Российской Федерации и Московской патриархии Русской православной церкви [Электронный ресурс]: Приказ М-ва образования Рос. Федерации от 01.07.1999 № 58. URL: <http://docs.cntd.ru/document/58862681> (дата обращения: 21.10.2020).

¹⁴ В функции совета входили: организация экспертизы учебно-методического сопровождения, духовно-просветительских программ, проектов учебно-методической литературы, осуществление подготовки изменений и дополнений в нормативные акты, а также разработка инструктивных, рекомендательных и методических документов в сфере духовно-нравственного просвещения, светского и религиозного образования.

¹⁵ В статье 1 Закона «Об образовании» установлено, что в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, органах, осуществляющих управление в сфере образования, создание и деятельность организационных структур политических партий, общественно-политических и религиозных движений и организаций (объединений) не допускаются (См.: *Об образовании* [Электронный ресурс]: Закон Рос. Федерации от 10.07.1992 № 3266-1. URL: <http://base.garant.ru/10164235/> (дата обращения: 11.10.2020)).

¹⁶ *О примерном* содержании образования по учебному предмету «Православная культура» [Электронный ресурс]: письмо М-ва образования Рос. Федерации от 22.10.2002 № 14-52-876ин/16. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901948205> (дата обращения: 11.10.2020).

¹⁷ *О создании* рабочей группы по проблемам изучения истории и культуры религии (православия) в системе образования [Электронный ресурс]: Приказ М-ва образования и науки Рос. Федерации от 17.03.2006 № 55. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901975204> (дата обращения: 11.10.2020).

¹⁸ *О направлении* в субъекты Российской Федерации Примерного соглашения о сотрудничестве органа управления образованием субъекта Российской Федерации и централизованной религиозной организации [Электронный ресурс]: письмо М-ва образования и науки Рос. Федерации от 13.07.2007 № 03-1584. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902073706> (дата обращения: 11.10.2020).

ставляет помещения для организации и проведения научно-практических, образовательных, воспитательных, просветительских мероприятий, создает условия для ознакомления с историческими и культурными ценностями, находящимися в ведении епархиальных учреждений (организаций).

В 2008 году Патриарх на ежегодном собрании Российской академии образования напомнил об опыте взаимодействия РПЦ и Минобрнауки России, отметил тесную связь между образованием и воспитанием и подчеркнул необходимость развития иммунитета против соблазнов, с которыми сталкивается молодежь¹⁹.

К тому времени государство также делало шаги навстречу РПЦ: помимо заключения уже упомянутых соглашений с профильным министерством, политика духовности в образовании поддерживалась российским президентом. Так, мысль об исключительной важности нравственной консолидации общества и необходимости его морального оздоровления последовательно проведена в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2007, 2008 и 2009 годов²⁰. В этой связи были внесены изменения в отдельные нормативные акты в части «формирования духовно-нравственной личности»²¹.

В июле 2009 года на встрече с религиозными лидерами президент поддержал предложение о преподавании в школах основ религиозной культуры и светской этики²².

Таким образом, двадцатилетний дискурс относительно интеграции в образование религиозного компонента характеризуется дихотомией позиций: православные религиозные деятели считают это шагом на пути к воспитанию духовно-нравственной личности и «спасением от соблазнов», в то время как многие общественные и государственные деятели видят здесь нарушение законов, клерикализацию образования и вероятность разжигания межконфессиональной розни. Последние также отмечают радикальный подход РПЦ к насаждению религии в школах, близкий к идеологической и политической экспансии в образовании²³.

¹⁹ Речь Святейшего Патриарха Алексия на Общем собрании Российской академии образования [Электронный ресурс] // офиц. сайт Московского патриархата Русской православной церкви. 2008. 26 марта. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/385925.html> (дата обращения: 13.10.2020).

²⁰ *Перечень* ежегодных посланий и бюджетных посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99072/9fa2a21b9d67d1f497d57386a6db6c1f6b97f514/ (дата обращения: 12.10.2020).

²¹ *О внесении изменений* в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта [Электронный ресурс]: Федер. закон от 01.07.2007 № 309-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12157429/> (дата обращения: 05.11.2020).

²² Дмитрий Медведев поддержал предложение о преподавании в школах основ религиозной культуры и светской этики [Электронный ресурс] // офиц. сайт Президента Рос. Федерации. 2009. 21 июля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/4864> (дата обращения: 18.10.2020).

²³ *Разведопрос*: Александр Панчин про вторжение религии в науку [Электронный ресурс] // YouTube. 2017. 5 июля. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=g7VnRwEcF6E> (дата обращения: 18.10.2020).

Так или иначе, на данном этапе складываются неформальные правила и границы взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций по интеграции религиозного компонента в образование, а также появляются первые формальные структуры (координационный совет). В этой связи возникла необходимость законодательной регламентации сложившейся практики взаимодействия и ее распространения.

Первый этап (2009–2011 годы) – формализация институциональных норм и их апробация

Формализация религиозного компонента в образовании стартовала с поручения Президента Российской Федерации от 2 августа 2009 года обеспечить решение организационных и финансовых вопросов, касающихся введения в образовательных учреждениях новых предметов²⁴. Отметим, что именно в поручении впервые названы модули учебного курса, посвященного духовно-нравственному развитию²⁵.

Уже в октябре 2009 года был принят Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (ФГОС)²⁶, который предусматривал новый предмет «Основы духовно-нравственной культуры народов России». На наш взгляд, целесообразность принятия стандарта в разгар учебного года представляется сомнительной, так как учебные программы в школах на этот момент уже были приняты. В стандарте подчеркивалась направленность образования на духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся, становление их гражданской идентичности как основы развития гражданского общества.

Позже появился План по апробации в 2009–2011 годах комплексного учебного курса для общеобразовательных учреждений «Основы религиозных культур и светской этики» (далее – ОРКСЭ)²⁷, который предполагал разработку и апробацию механизмов выбора модуля, учебно-методического обеспечения и т.д. Кроме того, был утвержден перечень субъектов Российской Федерации, участвовавших в апробации (всего было заявлено 19 регионов, позже список расширился до 21). Так, апробация должна была определить готовность системы образования к реализации религиозного компонента и общества – адекватно воспринимать нововведения.

²⁴ Поручение Президента Российской Федерации от 02.08.2009 № ВП-П44-4632 [Электронный ресурс] // офиц. сайт М-ва образования Оренбург. обл. URL: <http://www.minobr.orb.ru/obobraz/orkse/poruchenie-medvedeva.pdf> (дата обращения: 24.10.2020).

²⁵ Курс предполагает 6 модулей: основы православной культуры, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры, основы мировых религиозных культур и основы светской этики.

²⁶ Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс]: Приказ М-ва образования и науки Рос. Федерации от 06.10.2009 № 373. URL: <https://base.garant.ru/197127/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 24.10.2020).

²⁷ Об утверждении плана мероприятий по апробации в 2009–2011 годах комплексного учебного курса для общеобразовательных учреждений «Основы религиозных культур и светской этики» и перечне субъектов Российской Федерации, участвующих в апробации [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29.10.2009 № 1578-р. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6629274/> (дата обращения: 11.10.2020).

Также на этом этапе проводилось повышение квалификации педагогов, которые должны были преподавать новый учебный курс. «Практическая часть курсов повышения квалификации была организована на базе школ – стажерских площадок институтов повышения квалификации педагогических кадров, образовательных учреждений, являющихся базовыми для апробации курса. Методическая поддержка учителей организована тренерами-преподавателями на местах с дистанционным и консалтинговым сопровождением», – говорилось в отчете 2011 года Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования²⁸.

С 2012 года курс ОРКСЭ начали преподавать во всех регионах России на постоянной основе.

Второй этап (2012–2018 годы) – закрепление религиозного компонента в современном образовании

Индикатором окончательного закрепления религиозного компонента в образовании стало утверждение в январе 2012 года Плана мероприятий по введению с 2012–2013 учебного года во всех субъектах Российской Федерации комплексного учебного курса для общеобразовательных учреждений «Основы религиозных культур и светской этики»²⁹. План предполагал принятие необходимых нормативно-правовых актов, организацию мероприятий по выбору учебных модулей, информационное сопровождение курса и др. С 1 сентября 2012 года было установлено обязательное изучение курса ОРКСЭ.

Минобрнауки России подготовило письмо, где были представлены инструктивно-нормативные материалы и методические рекомендации для педагогов и организаторов курса, сформулированы его цели и задачи³⁰.

Несмотря на религиозный характер внедряемого компонента и прева-лирование модулей по изучению религий, был закреплен основной методологический принцип реализации ОРКСЭ – культурологический подход, что в теории должно было стать гарантом соблюдения светскости образования при преподавании рассматриваемого курса. Так, целью ОРКСЭ является формирование у обучающегося мотивации к осознанному нравственному поведению, основанному на знании культурных и религиозных традиций многонационального народа России и уважении к ним, а также к диалогу с представителями других культур и мировоззрений.

Однако при закреплении культурологического подхода в программе модулей отсутствуют понятия гуманизма и гуманистических ценностей.

²⁸ Рябко В. Анализ апробации курса ОРКСЭ в годах [Электронный ресурс] // Pandia. URL: <https://pandia.ru/text/79/549/27534.php> (дата обращения: 22.11.2020).

²⁹ План мероприятий по введению учебного курса для общеобразовательных учреждений «Основы религиозных культур и светской этики» [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28.01.2012 № 84-р. URL: http://magschool66.ucoz.ru/document/pravitelstvo_rossijskoj_federacii.pdf (дата обращения: 15.11.2020).

³⁰ О введении учебного курса ОРКСЭ [Электронный ресурс]: письмо М-ва образования и науки Рос. Федерации от 22.08.2012 № 08-250. URL: <https://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/nachalnaya-shkola/orkse/normativno-pravovaya-dokumentatsiya/pismo-minobrnauki-rossii-ot-22-08-2012-g-08-250.html> (дата обращения: 15.11.2020).

Ряд авторов объясняют это тем, что РПЦ наложила «вето» на слово «гуманизм» как неподходящее для православных школьников, что привело к неформальному правилу не упоминать гуманизм, распространяющемуся на учебники по всем модулям (Blinkova and Vermeer, 2018, p. 201).

Интересно, что в письме говорится о педагогической эффективности курса, значительном влиянии на нравственное состояние обучающихся, их отношения с родителями (законными представителями), тогда как до сих пор отсутствует инструментарий для измерения эффективности как самого курса, так и отдельных его компонентов.

В декабре 2012 года был принят новый Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»³¹. Прежний закон не регулировал преподавание ОРКСЭ, хотя и содержал положения о духовно-нравственном воспитании и развитии. В действующем законе преподаванию основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации посвящена отдельная статья³².

В 2014 году Минобрнауки России было подготовлено еще одно письмо, в котором указывалось, что в качестве примера региональных материалов по обеспечению свободного, добровольного, информативного выбора родителями школьников модуля курса ОРКСЭ можно использовать документы, разработанные Департаментом образования города Москвы³³. Позже, в 2015 году, ведомством был направлен Регламент выбора одного из модулей курса³⁴, содержательно весьма близкий к московскому.

Стоит отметить, что данный регламент органично дополняет Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в части установления единственного субъекта, ответственного за выбор курса, – родителей (законных представителей), а также в употреблении более широкого понятия «духовно-нравственная культура». Однако он не утвержден приказом Минобрнауки России, а представлен «в качестве примерного» и носит рекомендательный характер.

В 2018 году Минобрнауки России направило в адрес руководителей исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих управление в сфере образования, методические рекомендации по совершенствованию процесса реализации комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» и предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России»³⁵.

³¹ Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 04.12.2020).

³² Статья 87. Особенности изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации. Особенности получения теологического и религиозного образования (См.: *Об образовании в Российской Федерации...*).

³³ О реализации курса ОРКСЭ [Электронный ресурс]: письмо М-ва образования и науки Рос. Федерации от 21.04.2014 № 08-516. URL: <http://orkce.apkpro.ru/doc/reliz.pdf> (дата обращения: 02.12.2020).

³⁴ О направлении регламента выбора модуля курса ОРКСЭ [Электронный ресурс]: письмо М-ва образования и науки Рос. Федерации от 31.03.2015 № 08-461. URL: http://orkce.apkpro.ru/doc/psm_MO_08-461.pdf (дата обращения: 02.12.2020).

³⁵ О методических рекомендациях [Электронный ресурс]: письмо М-ва образования и науки Рос. Федерации от 19.01.2018 № 08-96. URL: <http://mosmetod.ru/metodicheskoe->

Акцентируем внимание на разделе, посвященном взаимодействию с религиозными организациями.

Так, установлено, что в рамках курса ОРКСЭ не предусмотрено преподавание религии. Педагогам необходимо неукоснительно соблюдать статью 48 профильного федерального закона³⁶.

Привлечение к преподавательской деятельности представителей конфессий не допускается, они лишь могут взаимодействовать с педагогами для обеспечения внеурочной образовательной деятельности (за ее содержание и транслируемые учащимся сведения несет ответственность учитель). Не предусматривается посещение религиозных организаций (культовых сооружений), оно может происходить только с разрешения родителей.

Взаимодействие с религиозными организациями может осуществляться при разработке и реализации профессиональных образовательных программ, включая участие специалистов от конфессий в курсах повышения квалификации педагогов (чтение лекций по соответствующим содержательным разделам и др.), участие в научно-практических конференциях, семинарах и т.д.

Этим законодатель попытался дополнительно гарантировать права детей, установленные международными и федеральными нормативно-правовыми актами, оградить образовательный процесс и его участников от влияния и вмешательства религиозных организаций.

На этом этапе в концентрированном виде проявились острые проблемы преподавания курса ОРКСЭ:

- нарушение прав учащихся и их родителей (законных представителей) на местах (давление со стороны администрации школы относительно выбора модуля, посещение религиозных сооружений без письменного разрешения родителей, приглашение на урок церковнослужителей и т.д.);
- отсутствие возможностей обеспечить на базе одного образовательного учреждения преподавание всех модулей (это связано как с техническими трудностями, так и с отсутствием специалистов);
- отсутствие методических и дидактических материалов, низкая проработанность учебников (отметим, что сейчас данная проблема стоит не так остро);
- непонимание специфики курса и его задач как со стороны родителей, так и со стороны учителей;
- выставление оценок учащимся (напомним, что курс является безоценочным) и проч.

prostranstvo/odnknr/normativno-pravovaya-dokumentatsiya/pismo-minobrnauki-rossii-ot-19-01-2018-g-08-96-o-metodicheskikh-rekomendatsiyakh-odnkr.html (дата обращения: 11.10.2020).

³⁶ Статья 48 запрещает использовать образовательную деятельность для политической агитации, принуждения обучающихся к принятию политических, религиозных или иных убеждений либо отказу от них, для разжигания социальной, расовой, национальной или религиозной розни, для агитации, пропагандирующей исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, их отношения к религии, в том числе посредством сообщения обучающимся недостоверных сведений об исторических, национальных, религиозных и культурных традициях народов (См.: *Об образовании в Российской Федерации...*).

Третий этап (с 2018 года – по настоящее время) – разработка нового ФГОС и внесение изменений в действующий стандарт

Третий этап стартовал с обсуждения концепции новых образовательных стандартов (ФГОС третьего поколения)³⁷. Проектом ФГОС, опубликованном на федеральном портале проектов нормативных правовых актов, предполагается преподавание в школе только двух модулей курса – «Основы религиозных культур народов России» и «Основы светской этики»³⁸.

Однако уже несколько лет подряд к наиболее востребованным, помимо указанного выше модуля «Основы светской этики», относится модуль «Основы православной культуры», тогда как «Основы религиозных культур народов России» находится на третьем месте³⁹.

Таким образом, можно заключить, что происходит отказ от монорелигиозных модулей в пользу тех, которые вызывают меньше всего дискуссий относительно их светского характера и соблюдения культурологического подхода в преподавании.

Синодальный отдел религиозного образования и катехизации РПЦ назвал нововведения «самоуправством разработчиков» нового документа и «ударом по нравственности»⁴⁰.

Острую реакцию РПЦ не разделяют представители других мировых религий в России. Например, Духовное собрание мусульман (ДСМ) не высказывало критики в публичном пространстве, а выступило с инициативой установить дополнительные требования к учителям, преподающим ОРКСЭ, для предотвращения возможных проявлений религиозной дискриминации. Председатель ДСМ муфтий Альбир Крганов отметил, что такая проблема возникала в Кавказском регионе, что противоречит идее ОРКСЭ как предмета, который будет преподаваться с точки зрения «культурологических аспектов, аспектов дружбы между народами и культурами, и что его будут преподавать светские учителя»⁴¹.

На сегодняшний день проект ФГОС находится на стадии общественного обсуждения. В этой связи нельзя сказать, каким будет окончательное решение законодателя относительно модулей ОРКСЭ, можно ли будет говорить о курсе как о религиозном компоненте в образовании.

Кроме того, в июле 2020 года в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» внесены изменения. В новой редакции понятие воспитания дополнено. Это «деятельность – направленная на ... формирование

³⁷ *Новый ФГОС третьего поколения: изменения стандартов [Электронный ресурс] // Фоксфорд. 2019. 5 дек. URL: <https://externat.foxford.ru/polezno-znat/fgos-2020#3> (дата обращения: 21.01.2021).*

³⁸ *Проект федерального государственного образовательного стандарта (начальное общее образование) [Электронный ресурс] // Федер. портал проектов норматив. правовых актов. 2019. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=94553> (дата обращения: 21.01.2021).*

³⁹ *Российские школьники чаще выбирают изучение этики, чем основ православия [Электронный ресурс] // Тасс. 2019. 12 июля. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6659493> (дата обращения: 20.01.2021).*

⁴⁰ *Удар по нравственности: новые ФГОСы не предусматривают изучения Основ православной культуры в школах [Электронный ресурс] // РИА Катюша. 2019. 20 сент. URL: <http://katyusha.org/view?id=12727> (дата обращения: 19.01.2021).*

⁴¹ *Мусульмане призвали установить дополнительные требования для преподавателей ОРКСЭ [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2020. 20 февр. URL: <https://ria.ru/20200220/1565025266.html> (дата обращения: 19.01.2021).*

у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде»⁴². Появилась статья 12.1, закрепляющая общие требования к организации воспитания обучающихся.

В этой связи законодатель внес изменения во ФГОС в части программы воспитания учащихся⁴³. Новая редакция предполагает, что программа воспитания направлена не только на духовно-нравственное воспитание, но и на укрепление психического здоровья и физическое воспитание.

Интересен акцент в обсуждаемых документах на национальной идентичности и российских ценностях при исключении положений о приобщении к общечеловеческим ценностям. Удивляет, что законодатель приравнивает общечеловеческие ценности к западным, что лишний раз красноречиво говорит о российском изоляционизме и в перспективе может стать фактором враждебного отношения к «другим».

Считаем также, что законодатель поторопился, исключив пункт о том, что программа воспитания должна предусматривать формирование целостной образовательной среды и учитывать историко-культурную, этническую и региональную специфику. ОРКСЭ, как религиозный компонент в образовании, и без того подвергается критике за то, что целиком находится в ведении государства, за излишнюю унификацию подходов и игнорирование региональной специфики (Blinkova and Vermeer, 2018, p. 202).

Таким образом, на данном этапе не меняется содержание религиозного компонента – меняется конечная цель его внедрения в систему образования. Прослеживается тенденция замены духовно-нравственного воспитания, сохранения национальной идентичности в контексте общечеловеческих ценностей на патриотизм и уважение норм российского общества и государства. Помимо этого, ставится вопрос о дальнейшем сохранении компонента в школьной программе.

Подводя черту обсуждению политико-правовой институционализации религиозного компонента в современном российском образовании, отметим также некоторые региональные особенности реализации ОРКСЭ.

В регионах и муниципалитетах с компактным проживанием одного этноса доминируют модули, соответствующие его религиозной культуре, тогда как особенностью поликонфессиональных территорий является стремление родителей к компромиссу – они выбирают неконфессиональные модули (Надыршин, 2016, с. 45). Проведенное авторами статьи исследование подтверждает, что сложившейся тенденции соответствует и Пермский край⁴⁴.

⁴² О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся [Электронный ресурс]: Федер. закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358792/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009 (дата обращения: 20.01.2021).

⁴³ О внесении изменений в некоторые федеральные государственные образовательные стандарты общего образования по вопросам воспитания обучающихся [Электронный ресурс]: Приказ М-ва просвещения Рос. Федерации от 11.12.2020 № 712. URL: <https://cdnimg.rg.ru/pril/201/82/74/61828.pdf> (дата обращения: 20.01.2021).

⁴⁴ С 19 марта по 22 апреля 2019 года О. С. Толстогузова провела анкетирование школьных учителей, которые в тот период преподавали ОРКСЭ (106 респондентов), и родителей учащихся

Так, в Республике Татарстан, интересной национальным составом (с небольшим разрывом преобладают две национальности – русские и татары), на региональном уровне закреплено решение о преподавании двух неконфессиональных модулей курса ОРКСЭ – «Основы светской этики» и «Основы мировых религиозных культур» (Надыршин, 2016, с. 45).

В Республике Башкортостан (основное население составляют три национальности – русские, башкиры и татары) также отдается предпочтение неконфессиональным модулям, хотя в ряде территорий республики есть «сильные» приходы, и с 2015 года представители духовенства могут принимать участие в родительских собраниях, где происходит выбор модуля, и акцентировать внимание на религиозных модулях (Надыршин, 2016, с. 45–46).

Не лишены региональных особенностей и подходы к реализации религиозного компонента в целом и преподаванию курса ОРКСЭ в частности.

Например, в Белгородской области с 2006 года во всех общеобразовательных учреждениях ведется обязательный для изучения во 2–11 классах предмет «Православная культура»⁴⁵. Принятие в 2011 году ФГОС затруднило его преподавание в рамках урочной деятельности, однако он до сих пор изучается в некоторых классах. При этом подавляющее большинство родителей в качестве модуля ОРКСЭ также выбирают «Основы православной культуры», не рассматривая такой выбор как дублирование материала: модули ОРКСЭ ограничены культурологическим подходом, тогда как предмет «Православная культура» имеет религиозное наполнение (Алехин, 2018, с. 15–17).

Учителя из Челябинской области отмечают, что при преподавании модулей ОРКСЭ они делают акцент не на культуре страны в целом, а на этнокультурных особенностях местного сообщества, изучении произведений уральских писателей, знакомстве с локальными ремеслами, взаимодействии с краеведческими музеями (Верещагина и др., 2017).

Особенности некоторых субъектов проявляются в механизмах методической поддержки учителей, преподающих ОРКСЭ. В Новосибирской области создан культурологический и религиозоведческий центр, где учителя могут пройти стажировку, разработаны порталы для взаимодействия учителей и специалистов по религиозной тематике (Ушаков, 2016, с. 93). В Удмуртии, где на первом и втором этапах ОРКСЭ вели педагоги начальных классов, далеко не всегда имеющие даже высшее педагогическое образование, сложилась ситуация постоянной ротации кадров, что не позволяло качественно преподавать курс. Для решения этой проблемы была создана межведомственная группа по методической поддержке учителей при планировании урока, содержательном наполнении уроков, IT-обеспечении и проч. (Матушанская и Сахарных, 2018, с. 681–682).

4-х классов, которые прослушали курс ОРКСЭ в 2018–2019 годах (634 респондента). В анкетировании принимали участие жители восьми муниципальных образований Пермского края. См.: Толстогузова О. С. Реализация государственной политики в области духовно-нравственного воспитания учащихся (на примере внедрения учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» в общеобразовательных организациях Пермского края) // Из арх. кафедры гос. и муницип. управления Перм. гос. нац. исслед. ун-та.

⁴⁵ Об установлении регионального компонента государственных образовательных стандартов общего образования в Белгородской области [Электронный ресурс]: Закон Белгород. обл. от 03.07.2006 № 57. URL: <http://docs.cntd.ru/document/469028130> (дата обращения: 14.11.2020).

На наш взгляд, реализация религиозного компонента должна строиться исключительно с учетом региональных особенностей, в противном случае это не только не принесет положительных результатов в части духовно-нравственного воспитания учащихся, но и может послужить конфликтогенным фактором для местного сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итогом внедрения религиозного компонента в образование стало преподавание курса ОРКСЭ, который можно рассматривать как компромисс между сторонниками конфессионализации и строгими секуляристами.

Политико-правовая институционализация происходила в четыре этапа: предварительный характеризуется широким общественным дискурсом относительно обоснованности и корректности внедрения религиозного компонента в образование, первый – появлением формальных норм и их апробацией, второй – окончательной интеграцией компонента в образовательный институт, третий – секуляризацией модулей.

На основании изложенного отметим особенности политико-правовой институционализации религиозного компонента.

1. Доминирование РПЦ как актора общественного дискурса и «рупора» интеграции религии и образования и конфликтный нарратив данного процесса. Анализ содержания предварительного этапа показывает, что, несмотря на многоконфессиональность российского общества, идеологом интеграции выступала РПЦ. Прочие религиозные организации – представители мировых религий в дискурсе не отметились. Кроме того, как отмечалось экспертами, дискуссия вокруг религиозного компонента в образовании велась с агрессивным напором.

2. Происхождение курса ОРКСЭ «сверху» и незначительная роль родителей и школ в обсуждении необходимости внедрения религиозного компонента. С точки зрения полноты представления позиций заинтересованных сторон, активное участие в дискуссии должны были принимать следующие институты: государство (в лице органов управления образованием), религиозные организации (самые крупные по количеству последователей), школы и родители. В общественном обсуждении позиция родителей и школ, в отличие от прочих, не получила широкого распространения. В результате на первом этапе органы власти столкнулись с рядом организационных сложностей, а также с предубеждением родителей в отношении ОРКСЭ и восприятию его как религиозного. Однако еще большее недовольство родители проявляли из-за дополнительной учебной нагрузки на детей⁴⁶.

3. Трансформация содержания компонента и консенсус между сторонниками и противниками его внедрения. Несмотря на очевидный конфессиональный характер, компонент претерпел ряд изменений. Так, обучение проходит в русле культурологического подхода. Курс в целом нацелен не на знакомство детей с религией, а на формирование у ребенка осознанного нравственного

⁴⁶ *Интервью* с начальником отдела общего образования Министерства образования и науки Пермского края Е. И. Павловой, 27.05.2019 // Из лич. арх. О. С. Толстогузовой.

поведения, знание и уважение культурных и религиозных традиций многонационального народа России, готовность к диалогу с представителями других культур и мировоззрений. Кроме того, помимо монорелигиозных модулей, компонент представлен модулем по основам светской этики и основам мировых религиозных культур. Иными словами, нельзя не заметить переход от притязаний РПЦ на преподавание в школах православной религии под предлогом духовно-нравственного воспитания к знакомству детей с различными религиями и нормами этики с позиций культуры и только согласно выбору родителей.

Таким образом, были сделаны попытки найти золотую середину между светскостью образования и духовно-нравственным воспитанием посредством преподавания курса ОРКСЭ. Тем не менее есть основания полагать, что формальные требования на местах соблюдаются не в полной мере или негласно игнорируются, что обуславливает новые вызовы для системы регулирования. Какие неформальные практики преподавания курса ОРКСЭ сложились в регионах – предмет дальнейшего изучения.

Библиографический список

Алехин В. П. Преподавание религиозных дисциплин в современной школе: проблемы и перспективы // Вестник Белгородского института развития образования. 2018. № 3. С. 14–20.

Аликберов А. К. Исторические изменения социальных функций религии (индивидуальный аспект) // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2017. Т. 13, № 1. С. 147–165.

Верещагина Е. Н., Гайсарова М. Г., Солодкова Е. А. Особенности проектирования и реализации образовательного процесса с учетом национальных, региональных и этнокультурных особенностей (из опыта работы МКОУ «СОШ № 9 г. Аши (с профессиональным обучением)» и МАОУ «Лицей № 6» г. Миасса // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. 2017. № 1. С. 74–78.

Гальцова Е. С. Проблемы духовно-нравственного воспитания личности в современной России // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2014. № 1. С. 25–32. DOI: 10.15382/sturIV201432.25-32.

Днепров Э. Д. Новейшая политическая история российского образования: опыт и уроки. М.: Мариос, 2011. 456 с.

Дьячкова М. А. Духовно-нравственное воспитание как социально-педагогический феномен // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 4. С. 23–28.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / Пер. с франц. В. В. Земсковой; под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018. 808 с.

Ерзылева И. А. Интеграция светского и православного образования в современной России // Научный альманах. 2017. № 4–2. С. 163–173. DOI: 10.17117/na.2017.04.02.163.

Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.

Крестовский А. В., Беловолов В. А. Духовно-нравственное воспитание как социально-педагогический феномен // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 3. С. 192–198.

Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 1999. 654 с.

Матушанская Ю. Г., Сахарных Д. М. Реализация курса «Основы религиозных культур и светской этики» в Удмуртской республике // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43, № 4. С. 678–683. DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-4-678-683.

Морозов Е. М. Концепт идентичности в социально-политическом дискурсе русской православной церкви // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23, № 4. С. 147–168. DOI: 10.24290/1029-3736-2017-23-4-147-168.

Надыршин Т. М. Проблемы преподавания конфессиональных модулей курса «Основы религиозных культур и светской этики» в Республике Башкортостан // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 38. С. 45–47.

Пехенько А. А. Понятие «религия» и ее функции // Актуальные проблемы гуманитарных наук: сб. ст. по материалам внутривузовских науч.-практ. студ. конф. «Актуальные проблемы гуманитарных наук» / Отв. ред. З. Р. Валеева, Р. Т. Фархтдинов. Уфа: Аэтерна, 2017. С. 58–60.

Руденко В. А. Духовный кризис современного российского общества как следствие догоняющей модернизации // Общество: политика, экономика, право. 2009. № 1–2. С. 32–35.

Санцевич Я. С. Функции религии в жизни общества [Электронный ресурс] // Трансграничная экономика. 2019. № 3. URL: http://www.cross-bordereconomy.ru/2019_3/2019_3-11.pdf (дата обращения: 10.10.2020).

Слободчиков В. И. В поиске оснований христианской психологии. Часть первая // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 1. С. 84–95.

Ушаков Д. В. Роль системы образования в гармонизации этноконфессиональных отношений молодежи (на примере Новосибирской области) // Философия образования. 2016. № 4. С. 89–98. DOI: 10.15372/PHE20160409.

Юмакулов Н. Х. Роль и значение Русской православной церкви в системе воспитательной работы российской армии // Вестник Университета Российской академии образования. 2010. № 3. С. 140–143.

Alberts W. Religious education as small 'i' indoctrination: How European countries struggle with a secular approach to religion in schools // Center for Educational Policy Studies Journal. 2019. Vol. 9, № 4. P. 53–72. DOI: 10.26529/cepsj.688.

Baltaci A. The legality of religious symbols in European schools // Cumhuriyet İlahiyat Dergisi. 2017. Vol. 21, № 2. P. 793–825. DOI: 10.18505/cuid.356795.

Blinkova A., Vermeer P. Religious education in Russia: A comparative and critical analysis // British Journal of Religious Education. 2018. Vol. 40, № 2. P. 194–206. DOI: 10.1080/01416200.2016.1190687.

Budzei S. V. Spiritual and moral education of children in the general secondary education system // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития: материалы XVII Междунар. конф. / Под ред. В. П. Галенко, Н. А. Лобанова. СПб.: Изд-во СПГЭУ, 2011. P. 214–217.

Clay E. Multiculturalism and religious education in the Russian federation: The fundamentals of religious cultures and secular // *State, Religion and Church*. 2015. № 2. P. 44–74.

Filina N. V. Functions of religion as a social-political phenomenon // *Spirit Time*. 2020. № 2–1. P. 36–38.

Gearon L. European religious education and European civil religion // *British Journal of Educational Studies*. 2012. Vol. 60, № 2. P. 1–19. DOI: 10.1080/00071005.2012.671929.

Goldberg T. Religious education // *Religious Education*. 2020. Vol. 115, № 3. P. 245–254. DOI: 10.1080/00344087.2020.1770014.

Midlaj C. H. Religion and moral education. 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/304552236_Religion_and_moral_education (дата обращения: 21.12.2020).

Shutaleva A., Dyachkova M., Tomyuk O. et al. Religious component in higher education programs and the formation of intercultural competences // *Advances in Economics, Business and Management Research*. 2020. Vol. 113. P. 423–427. DOI: 10.2991/fred-19.2020.86.

Информация об авторах

Толстогузова Ольга Сергеевна – магистр кафедры государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0001-8573-0763

ResearcherID: –

Электронный адрес: tolstoguzova-olga@mail.ru

Троицкая Елизавета Александровна – канд. полит. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-3710-4447

ResearcherID: M-5790-2018

Электронный адрес: troitzkaya@inbox.ru

Статья получена 30 января 2021 года

UDC 323:371:2

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-49-70

POLITICAL AND LEGAL INSTITUTIONALIZATION OF A RELIGIOUS COMPONENT IN MODERN RUSSIAN EDUCATION

Olga S. Tolstoguzova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0001-8573-0763

ResearcherID: –

E-mail: tolstoguzova-olga@mail.ru

Elizaveta A. Troitskaya

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-3710-4447

ResearcherID: M-5790-2018

E-mail: troitzkaya@inbox.ru

For citation:

Tolstoguzova, O. S. and Troitskaya, E. A. (2021), "Political and legal institutionalization of a religious component in modern Russian education", *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 1, pp. 49–70, doi: 10.17072/2218-9173-2021-1-49-70.

Introduction: the article is devoted to institutionalization of the religious component in Russian education; the main stages that determine the specificity of its manifestation are outlined.

Objectives: identifying the stages and features of political and legal institutionalization of the religious component in modern Russian education.

Methods: analysis of public authorities documents, secondary data analysis.

Results: four stages in the institutionalization process have been highlighted: preliminary stage, characterized by a wide public discourse on the necessity and legitimacy of including a religious component in education; the stage of formalization and testing the norms; the stage of final integration of religious component into education; stage of discussing the new Federal State Educational Standard and the secularization of modules. The features of institutionalization process have been revealed.

Conclusions: attempts have been made to find a middle ground between the secularity of education and the spiritual and moral education of students by teaching the course on "Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics". However, there is reason to believe that formal requirements are not fully met or are tacitly ignored locally, which creates new challenges for legislative regulation and a field for further research.

Keywords: religious component; education; political and legal institutionalization; spiritual and moral education; public discourse

References

Alekhin, V. P. (2018), "Teaching religious studies in modern school: Problems and prospects", *Bulletin of BellIED*, no. 3, pp. 14–20.

Alikberov, A. K. (2017), "Historical changes of social functions of religion (individual aspect)", *Islam in the modern world*, vol. 13, no. 1, pp. 147–165.

Vereshchagina, E. N., Gaisarova, M. G. and Solodkova, E. A. (2017), "The design and implementation features of the educational process with considering national, regional and ethno-cultural features (from the experience of the work of the munic-

ipal educational institution “School no. 9” in Asha (with vocational training) and “Lyceum no. 6” in Miass), *Scientific and methodical provision to assessment the education quality*, no. 1, pp. 74–78.

Galtsova, E. S. (2014), “Problems of spiritually-moral education of the personality in modern Russia”, *St. Tikhon’s University Review. Pedagogy. Psychology*, no. 1, pp. 25–32, doi: 10.15382/sturIV201432.25-32.

Dneprov, E. D. (2011), *Noveishaya politicheskaya istoriya rossiiskogo obrazovaniya: Opyt i uroki* [The latest political history of Russian education: Experience and lessons], Marios, Moscow, Russia.

Dyachkova, M. A. (2008), “Spiritual and moral education as a socio-pedagogical phenomenon”, *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 4, pp. 23–28.

Durkheim, E. (2018), *D’Elementarnye formy religioznoi zhizni* [The elementary forms of the religious life], Translated by Zemsikova, V. V., in Kurakin, D. Yu. (ed.), *Elementary forms press*, Moscow, Russia.

Erzyleva, I. A. (2017), “Integration of secular and orthodox education in modern Russia”, *Nauchnyi al’manakh*, no. 4–2, pp. 163–173, doi: 10.171117/na.2017.04.02.163.

Zaslavskaya, T. I. (2004), *Sovremennoe rossiiskoe obshchestvo. Sotsial’nyi mekhanizm transformatsii* [Modern Russian society. Social mechanism of transformation], Delo, Moscow, Russia.

Krestovskiy, A. V. and Belovolov, V. A. (2007), “Spiritual and moral education as a socio-pedagogical phenomenon”, *Siberian Pedagogical Journal*, no. 3, pp. 192–198.

Likhachev, D. S. (1999), *Razdum’ya o Rossii* [Reflections on Russia], Logos, St. Petersburg, Russia.

Matushanskaya, Yu. G. and Sakharnykh, D. M. (2018), “Implementation of the “Basics of religious cultures and secular ethics” course in the Udmurt republic”, *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, vol. 43, no. 4, pp. 678–683, doi: 10.18413/2075-4566-2018-43-4-678-683.

Morozov, E. M. (2017), “The concept of identity in the socio-political discourse of the Russian orthodox church”, *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, vol. 23, no. 4, pp. 147–168, doi: 10.24290/1029-3736-2017-23-4-147-168.

Nadyrshin, T. M. (2016), “Problems of teaching religious modules of “The Basics of religious cultures and secular ethics” in the Republic of Bashkortostan”, *Problems of Modern Science and Education*, no. 38, pp. 45–47.

Pekhenko, A. A. (2017), “The concept of “religion” and its functions”, in Valeeva, Z. R. and Farkhtdinov, R. T. (eds.), *Aktual’nye problemy gumanitarnykh nauk* [Actual problems of the humanities], Ufa, Russia, pp. 58–60.

Rudenko, V. A. (2009), “Spiritual crisis of modern Russian society as a consequence of catching up modernization”, *Society: Politics, Economics, Law*, no. 1–2, pp. 32–35.

Santsevich, Ya. S. (2019), “The functions of religion in society”, *Cross-border economy*, no. 3, [Online], available at: http://www.cross-bordereconomy.ru/2019_3/2019_3-11.pdf (Accessed October 10, 2020).

Slobodchikov, V. I. (2016), "In search of the grounds for Christian psychology", *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 1, pp. 84–95.

Ushakov, D. V. (2016), "The role of the education system in harmonization of the ethno-confessional relations of the youth (on the example of Novosibirsk region)", *Philosophy of education*, no. 4, pp. 89–98, doi: 10.15372/PHE20160409.

Yumakulov, N. Kh. (2010), "The Russian Orthodox Church: Role and significance in the system of educational work in the Russian army", *Vestnik universiteta Rossijskoi akademii obrazovaniya*, no. 3, pp. 140–143.

Alberts, W. (2019), "Religious education as small 'i' indoctrination: How European countries struggle with a secular approach to religion in schools", *Center for Educational Policy Studies Journal*, vol. 9, no. 4, pp. 53–72, doi: 10.26529/cepj.688.

Baltaci, A. (2017), "The legality of religious symbols in European schools", *Cumhuriyet İlahiyat Dergisi*, vol. 21, no. 2, pp. 793–825, doi: 10.18505/cuid.356795.

Blinkova, A. and Vermeer, P. (2018), "Religious education in Russia: A comparative and critical analysis", *British Journal of Religious Education*, vol. 40, no. 2, pp. 194–206, doi: 10.1080/01416200.2016.1190687.

Budzei, S. V. (2011), "Spiritual and moral education of children in the general secondary education system", in Galenko, V. P. and Lobanov, N. A. (eds.), *Obrazovanie cherez vsyu zhizn': Nepreryvnoe obrazovanie v interesakh ustoichivogo razvitiya* [Life-long learning: Continuing education for sustainable development], St. Petersburg, Russia, pp. 214–217.

Clay, E. (2015), "Multiculturalism and religious education in the Russian Federation: The fundamentals of religious cultures and secular", *State, Religion and Church*, no. 2, pp. 44–74.

Filina, N. V. (2020), "Functions of religion as a social-political phenomenon", *Spirit Time*, no. 2–1, pp. 36–38.

Gearon, L. (2012), "European religious education and European civil religion", *British Journal of Educational Studies*, vol. 60, no. 2, pp. 1–19, doi: 10.1080/00071005.2012.671929.

Goldberg, T. (2020), "Religious education", *Religious Education*, vol. 115, no. 3, pp. 245–254, doi: 10.1080/00344087.2020.1770014.

Midlaj, C. H. (2016), "Religion and moral education" [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/304552236_Religion_and_moral_education (Accessed December 21, 2020).

Shutaleva, A. Dyachkova, M., Tomyuk, O. et al. (2020), "Religious component in higher education programs and the formation of intercultural competences", *Advances in Economics, business and Management Research*, vol. 113, pp. 423–427, doi: 10.2991/fred-19.2020.86.

Received January 30, 2021